

УДК: 94(575.6) + 27.07 + 37.018 + 297.32

Саипова К.Д./ЎЗБЕКСТАН/
Саипова К.Д./УЗБЕКИСТАН/
Saipova K.D./UZBEKISTAN/

**ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ: РОЛЬ МАДРАС И СУФИЙСКИХ ОРДЕНОВ В
КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЗБЕКИСТАНА**

**TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS: THE ROLE OF MADRASAHs AND SUFI ORDERS IN
THE CULTURAL AND SOCIAL LIFE OF MEDIEVAL UZBEKISTAN**

**САЛТТАР ЖАНА ӨЗГӨРҮҮЛӨР: ОРТО КЫЛЫМДАГЫ ӨЗБЕКСТАНДЫН МАДАНИЙ
ЖАНА СОЦИАЛДЫК ЖАШООСУНДА МАДРАСА ЖАНА СУФИЙ УЮМДАРДЫН РОЛУ**

Аннотация. В статье рассматривается значение мадрас и суфийских орденов в культурной и социальной жизни средневекового Узбекистана. Эти институты выполняли просветительские и духовные функции, способствовали общественной гармонии и сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: мадраса, суфийские ордена, средневековый Узбекистан, культура, социальная жизнь, традиции, трансформации, религия, образование.

Аннотация. Бул макалада Орто кылымдардагы Ўзбекстанда мадрасалар менен суфийлик тарикаттардын (өзгөчө Нақшбандиянын) маданияттык жана социалдык турмуштагы орду талданат. Алар илим, руханий тарбия жана коомдук туруктуулуктун негизги булактары болгон.

Негизги сөздөр: медресе, суфий уюмдар, орто кылымдагы өзбекстан, маданият, коомдук турмуш, салттар, өзгөрүүлөр, дин, билим берүү.

Summary: This article explores the role of madrasahs and Sufi orders in the cultural and social life of medieval Uzbekistan. These institutions served as centers of knowledge, moral guidance, and social cohesion, leaving a lasting impact on the region's cultural heritage.

Keywords: madrasa, sufi orders, medieval Uzbekistan, culture, social life, traditions, transformations, religion, education.

В истории средневекового Узбекистана особое место занимают мадрасы и суфийские ордена, которые стали не только центрами религиозного поклонения, но и важнейшими институтами образования, духовного воспитания и социальной интеграции. С X века, особенно в таких городах, как Бухара, Самарканд и Хива, мадрасы превращаются в крупные интеллектуальные центры, где преподавались исламское право, логика, богословие, математика, медицина и астрономия. Суфийские ордена, особенно Нақшбандия, оказывали глубокое воздействие на духовную жизнь общества. Через идеи нравственного совершенствования, внутреннего очищения и активной социальной ответственности су-

физм формировал устойчивые моральные ориентиры. Суфийские шейхи часто становились посредниками между народом и властью, занимались благотворительностью, поддерживали беднейшие слои населения и обучали ремеслам. Мадрасы и суфийские братства сыграли фундаментальную роль в формировании уникального цивилизационного пространства, где переплетались знания, вера, искусство и общественные идеалы.[1, С.131]

Хотя мадрасы и суфийские ордена были распространены по всему Средневековому Узбекистану, их развитие и характер деятельности во многом зависели от конкретного региона. В Бухаре, которая считалась религиозной столицей, преобладала

строгая ортодоксия — здесь мадрасы следовали ханафитскому мазхабу (правовой школе) и были тесно связаны с суфийскими братствами Накшбандии. В Самарканде, напротив, во времена Тимуридов существовала более открытая и научно-ориентированная среда. Улугбек пригласил выдающихся ученых и развил традиции философского исследования, что сблизило мадрасы с более светскими дисциплинами.

В Хиве и Хорезме, где процветала культура Каракалпаков, узбеков и других народов, наблюдалась тенденция к синтезу местных языческих и мусульманских практик. Суфийские шейхи в этом регионе часто принимали на себя функцию народных целителей, предсказателей и защитников общины. Здесь особенно ярко проявлялась способность суфизма адаптироваться к местным традициям.[2, С.154]

Мадрасы и суфийские ордена Узбекистана не развивались изолированно — они были частью единой исламской образовательной и духовной сети. Ученые и шейхи путешествовали в Багдад, Хорасан, Дамаск, Мекку и Медину, где учились у известных богословов и наставников, а затем возвращались на родину и передавали полученные знания. Так, Накшбандия поддерживала связи с османскими и индийскими центрами, в том числе с суфийскими кругами Империи Великих Моголов.

Обратный процесс также был активен — иностранные студенты и суфии посещали Бухару и Самарканд, что способствовало международному обмену идеями и традициями. Благодаря этим связям регион Средней Азии вписывался в глобальный исламский контекст.

Одной из центральных фигур в истории суфизма Центральной Азии является Бахауддин Накшбанд (1318–1389). Родившись в Бухаре, он основал орден Накшбандия, который впоследствии стал самым влиятельным суфийским братством в регионе и далеко за его пределами. Особенностью Накшбандии было строгое соблюдение шариата в сочетании с глубокой духовной практикой — внутренним зикром (поминанием Бога) и аскезой. Важным аспектом учения Накшбаддина было то, что он призывал к активному участию в

общественной жизни, в отличие от многих суфийских течений, которые подчеркивали отрешенность от мира. Благодаря этому, его последователи оказывали значительное влияние на правителей Средней Азии, включая Тимуридов и Шейбанидов, становясь их духовными советниками и посредниками.

Еще одной выдающейся личностью был Ходжа Ахмад Ясави (около 1103–1166) — основатель ордена Ясавия, одного из первых тюркоязычных суфийских братств. Ясави проповедовал доступность духовного знания для простых людей, что сделало его учение особенно популярным среди тюркских народов. Его поэтические произведения, написанные на тюркском языке, сыграли огромную роль в формировании духовной культуры региона, объединив религиозные идеи и народную традицию. Влияние Ясави ощущается и сегодня, особенно в Казахстане и Узбекистане.

Важную роль в развитии системы исламского образования играл Улугбек (1394–1449), внук Тамерлана (Тимура) и выдающийся правитель Самарканда. Улугбек известен не только как политик и покровитель науки, но и как основатель знаменитой медресе в Самарканде — одного из крупнейших центров обучения в исламском мире того времени. Медресе Улугбека было оборудовано библиотекой, где хранились тысячи рукописей, и здесь преподавали такие науки, как астрономия, математика, астрология, помимо классического богословия. Поддержка Улугбека образовательных институтов способствовала формированию научной среды, в которой взаимодействовали представители различных течений исламской мысли.[2, С.155]

Кроме того, важным историческим событием стало покровительство суфийских орденов и мадрас государственными правителями в период Тимуридов и Шейбанидов. При Тимуре и его наследниках создание и поддержка религиозных и образовательных учреждений стали неотъемлемой частью государственной политики, направленной на укрепление власти и идеологическое единство. Так, строительство крупных медресе и комплексов, включающих суфийские заавии, способствовало укреплению религиозного

авторитета правителей и поддержанию социального порядка.

В период Шейбанидов (XVI век) влияние суфийских орденов достигло особой остроты: шейхи накшбандийского тариката стали непосредственными советниками ханов, а некоторые даже занимали административные посты. Одновременно они способствовали распространению суннитского ислама, противостоя суннитско-шиитским конфликтам, что играло важную роль в политической стабильности региона.

Интересно отметить, что суфийские ордена активно способствовали культурному обмену между народами Центральной Азии, Среднего Востока и Южной Азии. Последователи Накшбандии, например, основали духовные центры в Индии, где их учение оказало влияние на развитие местных суфийских традиций.

СХVII–XIX веков начинается постепенный упадок роли мадрас и суфийских орденов, связанный с несколькими факторами. Во-первых, в образовании усиливается формализм: в мадрасах преобладают схоластические методы, заучивание текстов без анализа, что тормозит развитие науки и философии. Во-вторых, с усилением контроля со стороны политической власти суфийские ордена всё чаще становятся инструментом легитимации правителей, а не независимыми духовными институтами. Также важную роль играет приход колониальных держав: в XIX веке российская экспансия в Центральной Азии сопровождается ограничением деятельности вакуфов и вмешательством в религиозную сферу. Это привело к маргинализации многих традиционных институтов, хотя духовные братства продолжали существовать в адаптированной форме.[3, С.15]

Несмотря на это, отдельные элементы прежнего величия были сохранены. В XX веке, несмотря на давление со стороны атеистической политики СССР, в Узбекистане сохранялись суфийские традиции, особенно в сельских районах. После обретения независимости в 1991 году начался процесс восстановления духовного наследия: реставрируются комплексы, вновь открываются медресе, возрождаются элементы традиционного суфизма. Таким образом, исторические

личности и события, связанные с мадрасами и су-фийскими орденами Средневекового Узбекистана, отражают сложность и многогранность развития исламской цивилизации региона. Они демонстрируют, как образование и духовность переплетались с политикой и социальной жизнью, формируя устойчивую систему, которая сохранила свое значение и влияние на протяжении столетий. После обретения независимости в 1991 году Узбекистан столкнулся с задачей переосмысления своей историко-культурной идентичности. В условиях ослабления советской идеологии и возвращения к национальным истокам особое внимание было уделено духовному наследию — прежде всего исламу в его исторически укорененных формах. В этом контексте мадрасы и су-фийские ордена вновь стали играть важную символическую и культурную роль. Возрождение интереса к Бахауддину Накшбанду, Ходже Ахмаду Ясави, Иمامу аль-Бухари и другим выдающимся деятелям исламской учености стало частью государственной политики, направленной на формирование позитивного образа прошлого. Мавзолеи этих фигур были восстановлены и стали местами паломничества и туризма. Одновременно в стране начали открываться новые медресе и исламские институты, где обучают как традиционным, так и современным религиозным дисциплинам.

Государственная концепция «узбекской модели развития» также активно использовала образы духовного наследия, чтобы подчеркнуть моральную основу общества и его историческую укорененность. Суфийские ценности — умеренность, духовное воспитание, уважение к старшим и традиция служения общине — были вписаны в рамки национального идеала.

Важным аспектом является то, что суфийские ордена, в отличие от некоторых более политизированных исламских течений, воспринимаются как толерантные и ориентированные на мир и созидание. Поэтому именно суфийское наследие активно поддерживается государством как «умеренное исламское ядро» национальной идентичности.[4, С.320] Кроме того, влияние суфийского и мадрасского наследия

ощущается в культуре: оно живёт в языке, музыке, архитектуре, поэзии. Современные поэты и исполнители часто обращаются к мотивам любви к Богу, пути очищения, нравственного самосовершенствования — ключевым темам суфийской философии.

Таким образом, в постсоветском Узбекистане мадрасы и суфийские ордена стали не только предметом исторической реконструкции, но и важным элементом в построении национального самосознания. Они символизируют преемственность с великим прошлым, духовную глубину народа и его способность сохранять свои культурные коды в новых условиях.

Литература:

1. Mamatkulova F. O., "Historiography and Source Study of Schools and Madrasas in Movarounnahr in the Middle Ages", *Galaxy Interdisciplinary Research Journal*, 2023. - P.131-134.
2. Djuraeva S. et al., "Historiographical Analysis of Tashkent-Medieval Religious Architectural Monuments", 2023. - P.154-158
3. Фозила Сулаймонова. Шарк ва Гарб (Кадимий давр ва урта асрлар маданият алокалари). – Тошкент: «Ўзбекистон», 1997. - С.15-21.
4. Аббор Адилов. Из истории исламского зодчества Ташкента. – Ташкент: "Общество и инновации", 2023. - С.320.